

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

04 декабря 2014 – 16:00

Зубец

Ольга Прокофьевна

Этика после Аушвица

Тезисы доклада

Обращение к данной теме внутренне ущербно: сложно говорить о том, что дискредитировало речь как таковую, разрушило основания вопрошания и аргументации, обесмыслило понятия, лишило права на свидетельство и высказывание. К этому можно добавить неприемлемость того, чтобы скепсис слушающих по отношению ко мне как говорящему распространился бы на скепсис по отношению к тому, о чем я говорю, и, тем не менее – это неизбежно. Я полна сомнения и неуверенности – возможно, не надо было затевать, начинать. Сами слова *теоретический семинар* и *дискуссия, вопросы и ответы* – нечто невозможное, отвергаемое сутью темы. Подлинными свидетели молчат, и им невозможно задать вопрос – так как это превратило бы спрашивающего в допрашивающего. Невозможно выпрашивать детали смерти близкого человека, нельзя быть любопытным, познающим, анализирующим, искателем истины. Это знает каждый. Но когда речь идет об уничтожении миллионов – забывают.

Я прочитала и просмотрела многое из того, что называется фактами. И теперь я осознанно исключаю их в качестве предмета рассмотрения, не будет описания ситуаций и историй, ибо речь идет о том, что сделало нарратив невозможным. Не будет истории и социологии, они потерпели крах. Но и наукообразное философствование поставлено под вопрос. У нас нет права смотреть на превращение людей в мусор и грязь сверху вниз, взглядом имеющего право на мышление о тех, кто этого права уже не имеет.

Что возможно тогда? Не знаю. Может быть, осознание невозможности мыслить и говорить по-прежнему. Только это. Иными словами, речь пойдет не о том, что этика говорит об Аушвице (кроме того, что это кардинальное зло), а о том, что Аушвиц говорит об этике. Причем говорит так, что не допускает того, что Адорно назвал размениванием «на апробированную тянучку мысли».

1. Понятие «*этики после Аушвица*» двуслойно по своему содержанию:

с одной стороны, оно ставит этику в ряд разнообразных областей знания и явлений культуры, которые осознали невозможность своего дальнейшего существования в прежнем виде, на прежних основаниях, что было сформулировано в таких понятиях, как «... после Аушвица», «мир после Аушвица», «Бог после Аушвица», «Поэзия после Аушвица», «жизнь, социология, философия ... после Аушвица», даже «благо после Аушвица»;

с другой стороны, оно выражает общее для всех форм самосознания человечества замыкание на этику, на понятие этического – в силу того, что сам Аушвиц для них есть кардинальное зло, выпадающее из пространства человеческого.

2. Одним из центральных вопросов становится вопрос о том, кем является тот, кто пытается помыслить Аушвиц и отнести к нему. Им оказывается человек, во-первых, осознающий себя в качестве того, чьим поступком является Аушвиц: человечество отныне есть

содеявшее Аушвиц и помыслить его иначе невозможно, как и невозможно быть человеком не осознавая Аушвиц в качестве своего поступка;

Во-вторых, им оказывается человек, соучаствовавший в кардинальном зле и соучаствующий в нем, окруженный дискредитированными проявлениями своего бытия в мире – таковыми оказались наука, право, рациональность, социальность, государство и т.д., а также язык, нормы, ценности.

3. Кардинальное зло выпадает из пространства человеческого – отношение к нему возможно лишь как абсолютная негация, ничтожение, это то –чего не должно быть в абсолютном смысле, но, с одной стороны, оно не принадлежит и пространству морали, к нему неприменимы никакие моральные понятия, а с другой – сама мораль дискредитировала себя, оказавшись соучастницей Аушвица и на уровне морального языка, и в качестве регулятива (если считать выбор меньшего зла и рациональный выбор моральными явлениями).

4. Аушвиц не может быть дан ни как факт, ни как нарратив – это противоречило бы необходимости ничтожения его, но кроме того – невозможно и само свидетельство: об Аушвице невозможно свидетельствовать, но за него невозможно не взять ответственность – это единственная возможность его ничтожения. Каким бы парадоксом это ни звучало, нельзя отрицать Аушвиц, не осознав, не прочувствовав, не приняв на себя ответственность за него. Жить после Аушвица можно только вместе с ним. Это касается и отдельных индивидов и их коллективов, и душевного строя личности и форм общественного сознания.

5. Два особых понятия формируют основу этики после Аушвица: это понятия "серой зоны" и "мусульманина" (так на лагерном жаргоне называли крайне истощенных людей), которые разрушают классическое моральное пространство. Серая зона разрушает все этические понятия, «зараженные» правом и выявляет невозможность ответственного поведения вообще. Кардинальное зло осуществляется через соучастие в нем, причастность к нему совершенно всех. Мусульманин разрушает границы человеческого, возможность различить человека и не-человека и не допускает установление их в познавательном усилии.

6. Все формы человеческого существования невозможны без восстановления пространства человеческого: для того, кто совершил Аушвиц, единственно возможным основанием этого пространства может быть лишь этическое в качестве абсолютного начала, не опосредованного познанием или мышлением, подчиненным практическим задачам. Таким основанием может быть лишь абсолютное ничтожение Аушвица через абсолютный запрет на убийство. Только абсолютность запрета на убийство позволяет осуществлять интеллектуально-духовные акты. Абсолютный запрет на убийство означает полное выведение вопроса об убийстве из сферы рационального рассмотрения и принятия решения о поступке - только так человек может вернуть себе осмысленный мир и восстановить возможность целерационального действия. Нигде Холокост не вступал в конфликт с принципами рациональности, с социальностью - он укоренен в феноменальном мире. Аушвиц - совершенно логичное, причинно-детерминированное, необходимое концентрированное выражение мира феноменального, социального, эмпирического. Абсолютное отрицание его возможно лишь в пространстве морали, только субъектом морали. Моральное пространство – пространство, в котором невозможен Аушвиц.